

УДК 321.015

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ С.Б. ПЕРЕСЛЕГИНА

И.И. Кузнецов

Саратовский государственный университет
E-mail: politbum@mail.ru

В статье анализируется проект совершенствования российской модели разделения властей, представленный в работах С.Б. Переслегина. Выделяются особенности реализации нового подхода к пространственному развитию России через учреждение нескольких столичных городов. Дается авторская оценка релевантности данного подхода к современным политическим и социально-экономическим реалиям России.

Ключевые слова: политические институты, современные политические процессы в России, государственная власть, Президент РФ, разделение властей, сдержки и противовесы, столица государства, многостоличность.

Separation of Powers and the Spatial Development of Russia: the Political Project of S.B. Pereslegin.

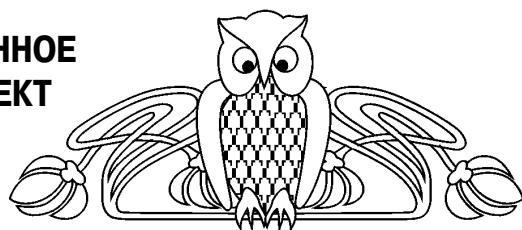
I.I. Kuznetsov

The article analyzes the project to improve the Russian model of separation of powers, presented in the works of S.B. Pereslegin. Distinguished features of the new approach to spatial development of Russia through the establishment of several capital cities. The authors give their assessment of the relevance of this approach to contemporary political and socio-economic realities of Russia.

Key words: political institutions, the modern political processes in Russia, the state power, the President of Russia, the separation of powers, checks and balances, capital of the state, mnogostolichnost.

Среди проектов политического развития России, в той или иной степени претендующих на вынесение рекомендаций по корректировке формы правления и территориально-политического устройства, стоит выделить проект литературного критика, публициста, теоретика фантастики и альтернативной истории, соционика С.Б. Переслегина¹. В его работах, выполненных в особом – «неакадемическом» стиле, реализация принципа разделения властей рассматривается наряду с другими политико-правовыми сюжетами развития России в контексте построения нового российского Будущего – инновационного проекта.

Анализ подходов данного автора предполагает изучение его текстов по социальной динамике, инновационным процессам, управлению². Основные положения доктрины политико-правового преобразования России отражены в книге «Самоучитель игры на мировой шахматной доске». В главе 7 «За пределами геополитики» – автор предлагает несколько успешных геополитических/геоэкономических стратегий для

России. Базовый сценарий развития России он предлагает рассматривать в хронологическом отрезке 2004–2020 гг. Здесь прослеживается, на наш взгляд, ключевое совпадение с известным «Планом Путина» и «Стратегией –2020». Это совпадение может быть отчасти связано с видением планирования общественно-политической и экономической жизни в рамках так называемого «проектного подхода». Стоит отметить, что оба указанных плана не являются собственно документами с четкой и определенной концепцией, логикой реализации, распределением ответственности и т.д. Это, на наш взгляд, является следствием декларативности, которая была призвана отчасти обеспечить передачу власти от второго российского президента третьему, а также одним из средств мобилизации правящего класса в новых социально-политических условиях³.

Рассматривая указанный базовый сценарий России, С.Б. Переслегин считает возможным интерпретировать российскую историю XX в. как «последовательные попытки национальных элит и контрэлит решить в общем виде проблемы инфраструктурной и кадровой недостаточности страны»⁴. Несомненный успех и одновременно высокие социальные издержки, сопутствовавшие каждому историческому этапу прошедшего столетия, ставят вопросы о пределах эффективности использовавшихся социально-политических и управленческих подходов к решению этих проблем. Констатация проигрыша «холодной войны» как неудачи в Третьей мировой войне подводит автора к мысли о том, что к 2002–2003 г. национальная катастрофа была в основном преодолена, а Россия «решила задачи первого этапа своего постсоветского существования»⁵. Среди нерешенных задач на первое место он ставит «проблему разграничения компетенций различных звеньев государственной машины в юридическом, социальном и административном пространствах»⁶. Эта проблема, по мнению автора, носит для России хронический характер и не была решена даже всеобъемлющими преобразованиями Петра Великого. Можно отдельно подискутировать на данную тему, но это не входит в планы в рамках нашей работы. Поэтому сосредоточимся на предлагаемых мерах по решению обозначенной проблемы.

Автор исходит из того, что пространственная протяженность России является серьезной проблемой для инновационного развития экономики и общества. Следовательно, поскольку ни

население России, ни ее промышленность, ни инфраструктура не соразмерны площади в девять часовых поясов (по долготе) и области между поллярными пустынями и субтропиками (по широте), то необходимы какие-то инновационные усилия и нетрадиционные подходы по преодолению этого состояния.

Таким нетрадиционным инструментом автору видится новое прочтение принципа разделения властей. Данный принцип подразумевает, что «у государства должно быть несколько столиц». Обоснование такого прочтения минимально: «когда речь идет о такой большой стране, как Россия, это высказывание следует понимать буквально: столичные функции должны быть разделены между различными территориями»⁷. Многостоличность, по мнению автора, позволяет реформативировать финансовые, информационные и кадровые потоки таким образом, чтобы получить дополнительные ресурсы для нового освоения страны через неизбежную конкуренцию между новыми центрами аккреации. При этом исторический опыт создания второй столицы – Санкт-Петербурга – Петром I в целях ведения полномасштабной войны за выход на Балтику (Северная война 1700 – 1721 гг.) используется как исторический прецедент решения пространственных затруднений России. Здесь автор прибегает к физической аналогии, указывая, что к концу войны сложилась система разделения властей, которую по аналогии с радиотехническими схемами можно назвать «пушпульной». Санкт-Петербург выполнял роль «центра развития» (push), а Москва, находясь в центре русского геополитического субконтинента, олицетворяла средоточие традиции, «впя тяглого государства» (pull)⁸.

Очерчивая контуры альтернативной политической географии Российской Федерации, С.Б. Перслегин предлагает следующую схему – проект развития многостоличности. Законодательная власть, которая контролирует традицию, связывает элиту и избирателей, метрополию и провинцию, должна оставаться в сердце государственности – Москве. Для исполнительной власти местом размещения предлагается российский «хоумленд» – Волго-Уральский регион с девятью городами-«миллионниками» (ПФО, а также Екатеринбург и Челябинск с областями, Волгоград и Астрахань). Выделение этой части страны для размещения правительства обусловлено помимо географических особенностей региона (широтные и меридиональные транспортные коридоры, как существующие, так и строящиеся) и нарастающего антропотока еще и этнокультурным фактором. Здесь, в Урало-Поволжье, размещена зона столкновения российской (европейской) государственности с наиболее пассионарными элементами исламской цивилизации, что порождает нестабильность и, одновременно, служит мощным стимулом к развитию. В качестве конкретной точки размещения органов исполнитель-

ной власти России предлагается Казань. Перенос правительства в этот город дает возможность, по мнению автора, поставить заслон сепаратистским тенденциям, которые войдут в противоречие с интересами бизнеса и крупнейших чиновничьих корпораций. Кроме того, указывается на сохранение Казанью исторической и культурной памяти о том периоде, когда она уже имела статус столицы независимого государства. Определение такого местоположения кабинета министров может воздействовать на более успешное продвижение «южной» стратегии России – создание Южного транспортного коридора и двух евроазиатских колец (Каспийского и Переднеазиатского).

Судебная власть, по-видимому, рассматривается автором как недостаточно развитая. В силу этого «ее привязка к местности значения не имеет»⁹. Но в то же время выдвигается тезис о том, что в будущем влияние судебной власти будет возрастать, ей предстоит «реформировать Россию в постиндустриальное государственное образование, обеспечивая единство – в – разделении Русского Мира и обновленной Российской Империи»¹⁰. Интересно, что перемещение Конституционного Суда РФ из Москвы в Санкт-Петербург, осуществленное в 2006–2008 гг., было призвано решить хотя бы отчасти проблему многостоличности, поддержать развитие «северной столицы» и, как отмечают многие наблюдатели, укрепить политическое влияние на один из высших судебных институтов государства¹¹.

Центробанк России, по предложению Перслегина, должен размещаться на западе страны, как можно ближе к ЕС, и здесь указывается именно Санкт-Петербург как возможный центр финансовой власти, определяющий стратегию взаимодействия России и расширяющегося ЕС. При этом автор с сожалением отмечает, что нет возможности перенести эту структуру еще западнее, например, в Варшаву.

Выделяя президентскую власть в отдельную ветвь, автор предлагает перенести ее основную резиденцию на Дальний Восток, к Тихому океану для более тесной связи с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Такое решение видится не окончательным, но на достаточно протяженную историческую перспективу – на ближайшие 50–75 лет. Возможным «президентским» городом в данном случае становится Владивосток, куда президент забирает с собой и весь силовой блок. Это решение видится как ответ на новые геополитические угрозы России в контексте смещения основных линий противоречий на восток. Предложение строить на берегу океана комплекс зданий для главы государства, соразмерного ему культурного и делового центра в совокупности с освоением острова Русский выходит на констатацию того, что пролив Босфор-Восточный станет центром города¹². В этой проекции подготовка к саммиту стран АТЭС, предполагающая масштабное строительство и поддержку инфраструктуры

(транспорт, энергетика), выглядит как одно из решений в направлении усиления присутствия России на Дальнем Востоке¹³. Владивосток в такой стратегии должен стать политическим, культурным, экономическим центром, поддерживающим транспортную инфраструктуру региона наряду со столицами стран АТР – Токио, Сеулом, Пхеньяном, Пекином, Тайбеем, Куала-Лумпур. А остров Сахалин с его запасами нефти, газа и угля является наряду с Владивостоком второй опорной точкой России в тихоокеанской стратегии (как ресурсная база и одна из опор восточного транспортного кольца). При этом автор отмечает не только природно-ресурсные и транспортные возможности о.Сахалин, но и возможности развития т.н. транзитного туризма, позволяющего теснее интегрировать в российское пространство Курильские острова (являющиеся по-прежнему «спорными» территориями), а также политического экстремального туризма¹⁴.

Конкретные предложения автора проекта по вопросу возможных изменений в отечественном механизме взаимодействия властей представлены в 9 главе рассматриваемого сочинения «Кризис индустриального общества и когнитивная фаза развития», соавторами в которой выступают А. Столяров и Н. Ютанов. Данные предложения представлены как элементы реализации российского инновационного проекта, выступающего средством преодоления фазового барьера перехода к постиндустриальной цивилизации и механизмом избежания «катастрофической деструкции и форматирования нефеодалной структуры»¹⁵. Среди конкретных предложений, сгруппированных в разделы «Неотложные мероприятия в институциональной области» и «Неотложные мероприятия в законодательной области» стоит выделить следующее. Авторы предлагают создать т.н. «Стратегическую администрацию», которая будет перспективным центром планирования инновационной политики, обладая при этом «реальной властью» (терминология авторов. – И.К.). Эта администрация призвана устанавливать приоритеты государственной политики в области создания, форматирования, утилизации и оплаты инноваций, выступая в качестве центра инновационной политики. Среди необходимых институтов для реализации таких планов предлагается формирование Инновационного банка, Патентного банка, Бюро стандартизации и Федеральной инновационной корпорации. Авторы не указывают каким образом учреждаются данные структуры и какие именно полномочия получают, что заставляет предполагать об определенной «достройке» существующей системы федеральных органов исполнительной власти, без радикальных изменений, связанных с принятием поправок к конституции, реформированием формы правления. Но далее, развивая свои предложения, авторы указывают, что необходимо создание стратегической администрации «как независимой

управленческой структуры (ветви власти), ориентированной на информационную поддержку лиц, принимающих решения»¹⁶. Здесь, на наш взгляд, демонстрируется отход от существующей конституционной модели разделения властей, в которой не предусмотрена такая специальная ветвь. Кроме того, чрезвычайно размытое и обширное описание полномочий стратегической ветви власти в совокупности с ее замкнутостью на главу государства ставят много вопросов об обеспечении ответственности и гарантий от авторитаризма. Но, стоит отметить, что предполагаемый объем компетенции чрезвычайно общо отраженный в данном проекте, в определенной мере отражает нынешние российские реалии¹⁷. Действительно, Администрация Президента РФ, являясь по Конституции РФ всего лишь техническим органом, обеспечивающим деятельность главы государства, в реальной политической жизни выступает в качестве инициатора многих масштабных программ и стратегий¹⁸. Кроме того, именно АП осуществляет повседневный процесс взаимодействия всех ветвей государственной власти через целый арсенал политико-правовых инструментов. Среди них – деятельность полномочных представителей Президента РФ в палатах Федерального Собрания и судах, полномочных представителей главы государства в 8 федеральных округах России; работа АП по подготовке и проведению заседаний Госсовета России и регулярных встреч главы государства с лидерами парламентских партий и фракций.

Таким образом, в данной части представленный проект, по сути, нормативно закрепляет сложившееся реальное положение, при котором аппарат главы российского государства выступает центром планирования политической и социально-экономической стратегии и, одновременно, главным заказчиком/оценщиком необходимых для осуществления проектной деятельности исследований и экспертиз. Это, на наш взгляд, работает на сокращение процедур согласования интересов и экономию времени по подготовке и реализации масштабных инвестиционных проектов. Но в то же время такой режим работы ведет к сокращению публичности принятия важных политических решений, некорректной и предвзятой профессиональной экспертизе в связи с ограничением политической конкуренции и ответственности. В какой-то мере представленная авторская схема институциональных новаций вписывается в традиционную бюрократическую логику российского правящего класса, рассматривающего самое себя как главного идеолога и модератора модернизационных процессов.

В конкретных рекомендациях по совершенствованию законодательной работы в России авторы проекта указывают на необходимость объединения патентного права с авторским правом в единое свободно конвертируемое инновационное право, которое должно повлечь

за собой создание соответствующей судебной инстанции (инновационного суда) в рамках общей системы гражданского судопроизводства. Все это может быть оформлено принятием (в терминологии авторов – «инсталляцией»). – прим. И.К.) новых юридических норм: закона о статусе инноваций (задающего рамки для создания инновационного права и построения Федеральной инновационной системы); созданием законодательства об «инновационном оффшоре» (бесплатной юридической регистрации инноваций всех типов при условии их первичной реализации на российском рынке); подготовкой закона «Об использовании инноваций» (направленного на прекращение практики «скупки патентов» с целью блокирования их возможного использования конкурентами). Следующим шагом по совершенствованию законодательной работы авторы проекта предлагают изменение некоторых механизмов работы Государственной Думы. Заявляя эти изменения как локальные и «при «неукоснительном соблюдении действующей Конституции», авторы буквально страницей ниже выходят на иной уровень оформления своих предложений. В частности, «конституционно изменение форматов работы Думы может быть оформлено в виде «Закона о Российской проектности»¹⁹.

Данное противоречие объясняется тем, что, предлагая на первый взгляд формальные изменения механизмов работы Госдумы, авторы по сути, кардинально меняют существующий порядок законотворчества. Законодательная власть, работающая в проектном режиме (как предлагается Переслегиным и его соавторами) оперирует в своей деятельности установками Стратегической администрации, планами среднесрочных и долгосрочных проектов, которые значительно превышают сроки полномочий парламента. При этом, на наш взгляд, актуальные социально-политические интересы, в том виде как они отражены в партийном раскладе, сложившемся в результате выборов, остаются не представленными вообще или лишь частично отражены. Это вполне вероятная ситуация в силу директивного характера работы главы государства по стратегическому планированию и практике деятельности исполнительной власти (например, в плане работы над заключениями Министерства финансов по поводу проектов законов, требующих для своей реализации соответствующих расходов из федерального бюджета). Получается, что нижняя палата парламента должна снижать свой политический статус органа общенационального представительства и выполнять, в основном, функции вотирования представленных правительством и АП долгосрочных проектов. В этой логике предложение придавать каждому такому проекту особый юридический статус, «действительный в течение заявленного срока его осуществления», выглядит неожиданной новацией. Такое жесткое закреп-

ление именно проектных намерений может оказаться серьезным препятствием на пути их реализации (оперативное управление текущим их выполнением может быть отягощено невозможностью или затруднительностью коррекции). Ответственный парламентский контроль в этом случае также становится менее эффективным (если вообще возможен).

Вывод авторов постулирует о необходимости «переформатирования Думы» и подкрепляется ссылкой на «наличие общероссийского тренда повышения рефлексивности управления ... когда исполнительная власть в лице Кабинета министров или президентская власть в лице Аппарата Президента и аппаратов полпредов переходит на ситуационно-сценарный уровень управления, законодательной власти – для того, чтобы сохранить свое влияние на событийные и финансовые потоки – необходимо овладеть проектным мышлением и проектным действием»²⁰.

Таким образом, проект С.Б. Переслегина выдвигает несколько ключевых идей, касающихся изменения существующего баланса ветвей власти: развитие многостолпчатости как одного из основных геэкономических ресурсов развития России; формирование стратегической ветви власти для концентрации функций управления инновациями; изменение механизма работы Государственной Думы РФ по законодательному оформлению крупных инновационных и инфраструктурных проектов. Реализация подобных идей, на наш взгляд, может привести к необратимым последствиям для социально-политической жизни России. Многостолпчатое развитие при существующем уровне транспортной связности РФ и традициях функционирования российской бюрократии может не стимулировать инновационный процесс и модернизацию страны, а наоборот, усилить центробежные тенденции, сепаратизм и социально-экономическую дезинтеграцию. На опасности такого процесса указывали исследователи уже после реформ В.В. Путина весны-лета 2000 г.²¹. Выделение стратегической ветви власти ставит проблему ревизии существующего конституционного принципа, закрепленного в ст.10 Основного закона РФ. Но если анализировать данное предложение в контексте современных российских реалий, то оно, в целом, фиксирует сложившееся положение дел. Администрация Президента РФ постоянно выступает в качестве органа стратегического планирования и управления. Контуры реализации предложения о новых законодательных возможностях Госдумы уже можно проследить в реализации крупных проектов государственного масштаба, которые закреплены на уровне федеральных законов и, по сути, застрахованы от экономической нестабильности фиксацией основных затратных параметров с привязкой к федеральному бюджету на среднесрочную перспективу²².

Примечания

- 1 Переслегин С.Б. – Лауреат премии «Странник-1996» за книгу критики «Око тайфуна: Последнее десятилетие советской фантастики». Участник Ленинградского семинара Бориса Стругацкого. Составитель, редактор, автор комментариев книг серии «Военно-историческая библиотека». Автор предисловий и послесловий к книжной серии «Миры братьев Стругацких». Руководитель исследовательских групп «Конструирование Будущего» (с 2000 г.), «Санкт-Петербургская Школа Сценирования» (с 2003 г.), «Знаниевый реактор» (с 2007 г.).
- 2 См.: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ, 2005; *Он же*. Мифы Чернобыля. М.: Яуза; Эксмо, 2006; *Он же*. «Nation State»: кризис управления // Эволюция государства: Рос. эксперт. Обозрение. 2006. № 5(19); *Он же*. Социопиктографический анализ. 1900–2050 гг. М.: Cogvis, 2009; *Он же*. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М.: АСТ; Terra Fantastica, 2009; *Он же*. Новая история Второй мировой. М.: ЭКСМО, Яуза. 2009.
- 3 Неслучайно под обсуждение и выполнение «Стратегии–2020» и «Плана Путина» были отведены значительные административные и организационные ресурсы партии «Единая Россия». См.: Жить по-человечески. Владимир Путин поставил задачи до 2020 года // Российская газета – Неделя. 2008. № 4589. 14 февр. Кроме того, наряду с проведением соответствующих заседаний Госсовета, партийными съездами и мероприятиями в регионах по поддержке этих квазиидеологических проектов, был дан импульс для привлечения к этому и российских традиционных вероисповедных организаций. См. напр.: Новоселова Е. Заповеди модернизации. Церковь и партии разрабатывают нравственно-этическую часть «Стратегии–2020» [Электронный ресурс]. URL: rg.ru (дата обращения: 14.07.2009).
- 4 Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. С. 424.
- 5 Там же. С. 425.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 438.
- 8 Формула push-pull в данном контексте используется как «тяги-толкай». См.: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. С.440.
- 9 Там же. С. 443.
- 10 Там же.
- 11 См.: Ссылные мира сего // Коммерсантъ–Власть. 2006. № 51(705). 25 дек. 2006; Пушкарская А. В Петербург со своим интерьером. Конституционный суд присмотрелся к новому месту. // Коммерсантъ. 2008. № 65(3882). 17 апр. 2008; Чернега Ю. Конституционный суд теряет кадры при переезде. В Петербурге их заменят юристы питерской школы // Коммерсантъ. 2008. № 56(3873). 04 апр. 2008; Романов И. Фемида не торопится в ссылку. Сотрудники Конституционного Суда откладывают переселение в Санкт-Петербург до последнего момента // Независимая газета. 2008. 15 мая.
- 12 См.: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. С. 445–446.
- 13 Несмотря на финансовый кризис, российские власти определили для себя подготовку к саммиту стран АТЭС как приоритет и сохраняют финансирование проекта, в том числе путем принятия специального закона прямого действия. См.: Дробышева И. Дмитрий Медведев подписал закон о подготовке к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 году // Рос. газ. 2009. 12 мая; Скобелев П. С видом на Тихий океан // Рос. газ. 2010. Федеральный выпуск № 5115 (36). 19 февр.
- 14 Здесь речь идет о возможности в ходе одного тура, одного путешествия по маршруту Сахалин – Токио – Пхеньян – Пекин увидеть весь спектр современных политических систем. См.: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. С. 456.
- 15 Там же. С. 560.
- 16 Там же. С. 582.
- 17 Содержанием деятельности стратегической администрации является «стратегический менеджмент мирного времени, подразумевающий ... управление глобальными инновационными проектами ... связь Федеральной инновационной системы с законодательной, исполнительной, судебной, финансовой и индустриальной властями России». Цит. по: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. С. 582.
- 18 Согласно п. 1 Положения об Администрации Президента Российской Федерации Администрация Президента РФ является государственным органом, обеспечивающим деятельность Президента России. Коллизия, связанная со статусом Администрации Президента РФ, послужила поводом для запроса Государственной Думы РФ в Конституционный Суд РФ в 1997 г. Заявитель, отождествив государственный орган и орган государственной власти, посчитал на основании того, что Конституция РФ не относит Администрацию Президента РФ к органам государственной власти, что она является не госорганом, а службой. В связи с тем, что к началу рассмотрения дела большинство оспариваемых норм утратило силу или было фактически отменено (норма о статусе Администрации Президента РФ осталась неизменной), производство по делу было прекращено. Конституционный Суд РФ не дал юридическую оценку статусу Администрации Президента РФ. Позиция судьи Конституционного Суда РФ В.О. Лучина соответствует мнению представителей Госдумы РФ, определившему Администрацию Президента РФ службой, вспомогательным органом Президента РФ. См.: Лучин В.О., Данилов И.С. Государственный совет Российской Федерации: проблемы становления. // Право и политика. 2001. № 4.
- 19 См.: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. С. 583–584.
- 20 Там же. С. 584.
- 21 Б. Родоман указывал, что федеральные округа являются готовыми сферами влияния иностранных государств и удобными рамками для раздела России, а большинство округов способны существовать как самостоятельные государства. См.: Родоман Б. Сколько субъектов нужно федерации? // Отечественные записки. 2004. № 2 (17).
- 22 См. например: Федеральный закон № 379-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зим-

них игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (с изменениями на 27 декабря 2009 г.) // Рос. газ. № 255. 31 дек.; Федеральный закон № 93-ФЗ «Об организации проведения встречи глав государств и правительств

стран-участников форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» в 2012 г., о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // Рос. газ. 2009. № 87. 15 мая.

УДК 32.01

КОНЦЕПТ «ПОЛИТИЗАЦИЯ» В НАУЧНОМ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

М.В. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru

В статье рассматриваются различные варианты использования термина «политизация» в научном и общественно-политическом языке. Выясняются принципиальные сходства и различия между «политизацией» религии, истории, культуры, науки. В статье сделан вывод об использовании политизации социальных отношений как политической технологии.

Ключевые слова: политизация, политика, политический процесс, политические технологии.

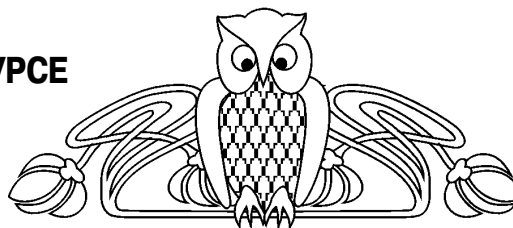
The Concept of «Politicization» of the Scientific and Socio-political Discourse

M.V. Danilov

This article discusses the various options for using the term «politicization» of the scientific and socio-political language. Establishes fundamental similarities and differences between «politicization» of religion, history, culture and science. The article concludes on the use of politicizing social relations as political technology.

Key words: politicization, politics, political process, political technology.

В современном политическом, публицистическом и научном дискурсах термин «политизация» звучит достаточно часто. По нашим подсчетам, этот термин сегодня применяется как минимум к трем десяткам явлений и институтов. Говорят о политизации религии и этничности, культуры и искусства, истории и права, повседневности и спорта, науки и образования, экономики и энергетики, масс-медиа и прав человека, психиатрии и воды, армии и крестьянства, премий и наград и т.д. Каждая из подобных разновидностей политизации фиксирует отдельные аспекты этого общего, по нашему мнению, фундаментального политического процесса. В то же время практически не идет речи об универсальных, общих принципах политизации, за исключением самых очевидных и само собой разумеющихся определений. Так, для Глеба Павловского политизация является, по сути, процессом политической инициации тех, кто собирается бороться за власть¹. Политизация в таком ракурсе рассматривается как аналог со-

циализации, только применительно к сфере политики. В самом общем виде под политизацией понимают усиление влияния политики на другие сферы жизни, придание политического звучания сколько-нибудь важным вопросам общественной жизни². Безусловно, данное определение верно. Оно содержит указание одновременно и на естественный характер политизации, и на возможное сознательное конструирование процесса политизации, придание ему технологического характера.

Политизация как технология в основном фигурирует в публицистическом и актуальном политическом языке. В современном мире политический смысл обрели самые разные вещи: ленточки, ботинки, шарфы, футболки и пр³. Политизироваться ныне может все что угодно, вплоть до эпидемий гриппа. На Украине осенью 2009 г. это чуть не привело к переносу даты президентских выборов, став одной из важнейших тем электоральной борьбы, а в Саратовской области – фактором актуализации вопроса о переназначении губернатора П.Л. Ипатова на новый срок. Согласно одной из точек зрения, политизация является процессом вовлечения субъектов общества в активную политическую жизнь, политические взаимодействия, побуждение к политическим действиям⁴.

Научное осмысление политизации весьма нечасто связано с теоретической разработкой самого этого термина. В основном о политизации говорят как о нечто само собой разумеющемся, акцентируя внимание на непосредственном объекте политизации. В связи с этим особенно ценными оказываются весьма редкие в современной отечественной и западной науке попытки осветить принципиальные механизмы работы такого фундаментального для социума процесса, каковым, по нашему мнению, выступает политизация.

Самыми разработанными, как в теоретическом плане, так и в смысле эмпирической обеспеченности, остаются процессы политизации конфессиональных отношений. Особенно выделяется пласт исследований, посвященных